

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

ПОРТРЕТ ОМБУДСМЕНА В ШКОЛЬНОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Может, это закон парных случаев, может, ещё что-то? Буквально в течение суток две наши знакомые женщины (но при этом не знакомые друг с другом) позвонили и рассказали, как школьные поборники прав детей испортили им отношения с детьми. У одной девятилетний сын, ссылаясь на преподанную ему Конвенцию о правах ребёнка, заявил, что не будет ходить в церковь, так как никто не смеет навязывать ему религиозные убеждения. Другой, пятиклассник, — что на детей нельзя давить и поэтому он бросает музыкальную школу. А если мать попробует его заставить, он пожалуется в милицию, и её посадят в тюрьму.

Когда приводишь такие случаи, люди часто смеются, воспринимая их как нелепые детские выходки, из которых ровным счётом ничего не следует. Дескать, до чего ж они забавны, эти маленькие петушки! Любят похорохориться... Ну, ничего, пойдут, как миленькие, куда мать скажет. А заартачатся — получат на орехи.

Правда, в последнее время так, в основном, реагируют или те, у кого дети давно выросли, или вовсе бездетные. В общем, люди, живущие вчерашними представлениями о власти родителей над детьми. Матерям же, которые нам позвонили и которые вполне ощущают “свежий ветер перемен”, было не до смеха. Им и так-то нелегко приходилось со своими ребятами, а после того, как мальчиков в школе вооружили знаниями о правах, мамы и вовсе оказались перед весьма сомнительным выбором: или надо дискредитировать учителя-“правоведа”, или, чтобы не ронять авторитет школы, пойти у сыновей-бездельников на поводу. Ведь в данных конкретных случаях отказы объяснялись именно ленью: одному ребёнку было неохота рано вставать, а другому хотелось поиграть не на пианино, а на компьютере. И они фактически получили в школе правовую поддержку своей лени.

Но то ли ещё будет, если будет принят закон о ювенальной юстиции, то есть о юридической защите прав детей, и в каждой школе воцарятся официальные правозащитники-омбудсмены, наделённые властными полномочиями! Тут не то что будет не до смеха, а в пору завывать.

Права детей в современной трактовке

Пока омбудсмены, защищающие права детей, существуют лишь в пилотных регионах, которых, правда, уже более двадцати. Причём сидят они, в основном, не в школах и занимаются “социалкой”. С жалобами к ним приходят не дети (детских обращений всего 3%), а взрослые. У кого-то ребёнок-инвалид, и ему нужно “выбить” пособие, у кого-то многодетная семья, и она нуждается в увеличении жилплощади. В подобных случаях омбудсмены играют роль народных заступников, принимающих ходяков. И сам этот образ, и со-

держание деятельности вполне традиционны и не вызывают возражений. Разве что кому-нибудь, как нередко бывает, хочется большей справедливости, большего эффекта от этого заступничества.

Однако помещение омбудсменов в школу резко меняет ситуацию. В тех школах, где они в экспериментальном порядке уже введены, две трети жалоб (около 65%) поступает от детей и лишь одна треть приходится на родителей и педагогов вместе взятых. В Саратове «школьники пишут свои жалобы и бросают их в специальные ящики. И эти ящики ежедневно заполняются жалобами доверху. Основная их часть посвящена однообразию и скучности школьных занятий. Педагоги говорят, что в защите нуждаются не школьники, а сами учителя, так как большинство выпускников университетов не может найти общий язык с классом озорников» (В. Немира. «Учителя против омбудсменов» (PRS.Ru, раздел общество <http://www/prs/ru/articles/?id=21310>).

На самом деле ювенальное законодательство уже частично существует, хотя закон о ювенальной юстиции ещё не принят. Например, Семейным кодексом, утверждённым в ельцинскую эпоху, когда вся жизнь наспех перекраивалась по либеральным лекалам, предусмотрено, что для защиты своих прав ребёнок может самостоятельно обратиться в органы опеки, а по достижении 14 лет – в суд.

Закон об образовании выглядит ещё интересней. «Применение методов физического и психического насилия по отношению к обучающимся, воспитанникам не допускается», – гласит ст. 15, п. 6. Конечно! Кто ж с этим поспорит? В докладах «Human Right Watch», посвящённых нашим детским домам, приводятся примеры чудовищных зверств по отношению к детям. (Правда, нередко без указания конкретных учреждений и конкретных фамилий.)

Но формулировки закона позволяют подверстать под насилие и множество вполне заурядных дисциплинарных мер, без которых не только воспитание, но и образовательный процесс невозможен. Судите сами.

Комментарий к ст. 56. п. 3.2.

«Физическое насилие – это применение физической силы к ученику».

Значит, если, к примеру, ученики затеют драку, учителю не стоит их разнимать. Ведь без применения физической силы это далеко не всегда получается. И если ученик кинется с кулаками на самого учителя (а такое сейчас бывает, поскольку стало гораздо больше возбудимых, расторможенных и одновременно плохо воспитанных детей), самооборона – дело для педагога весьма рискованное. В Америке именно поэтому в такой ситуации вызывают полицейских: чтобы разбушевавшиеся хулиганы не могли обвинить учителей в физическом насилии.

Вариантов тут может быть довольно много, но, ограничившись этими двумя примерами, перейдём к психическому насилию. Итак, цитируем закон дальше, выделяя его текст курсивом, а ниже даём свои пояснения: *«Формами психического насилия являются:*

– угрозы в адрес обучающегося.

Это опять-таки можно трактовать расширительно; например, фразы типа «если то-то и то-то – вызову родителей, пойдёшь к директору, останешься на второй год и т. п.» тоже являются угрозами;

– преднамеренная изоляция обучающегося.

Фактически это запрет выгонять учеников из класса, который реально уже действует во многих школах страны. Первый омбудсмен России Ляля Неповиннова в интервью газете «Известия» так прямо и заявила: «Выгнать ученика с урока нельзя ни при каких обстоятельствах – это запрещено «правилами внутреннего распорядка школы»» («Известия» от 20.05.06). Что ж, в западных школах, с которых придётся брать пример, учителя уже давно примирились и с распитием на уроках разных напитков, и с ругательствами, произносимыми вслух, в том числе и в их адрес. Даже «интим» на уроках стал возможен, за это тоже нельзя выгнать из класса.

Но пойдём дальше:

– предъявление к учащемуся чрезмерных требований, не соответствующих возрасту.

Поскольку сейчас немало детей с задержкой психического развития, эта норма даст «ювенальщикам» возможность оправдать такое, скажем, нередко сейчас встречающееся проявление инфантилизма, как сидение под партой. Физически учитель вытащить «сидельца» не может – это насилие. Грозить тоже

запрещено. А теперь выясняется, что он ни в какой форме не смеет выразить своих претензий, потому что может быть обвинен омбудсменом в некомпетентности. Раз ученик сидит под партой, значит, его психологический возраст меньше реального и к нему нужно было найти индивидуальный подход, чтобы “малышу” не было скучно слушать объяснения. Ну, а то, что ещё полкласса, видя безнаказанность “инфантила”, уползло под парту, а другая половина над этим потешалась и урок был сорван – это опять-таки проблемы учителя;

– оскорбление и унижение достоинства;

– необоснованная систематическая критика ребёнка, выводящая его из душевного равновесия;

– демонстративное негативное отношение к обучающемуся” (см. “Комментарий к Закону “Об образовании”, стр. 389).

Эти пункты позволяют протестовать против любых замечаний. А подростки – те даже советы часто принимают в штыки и выходят из состояния душевного равновесия, которое у них в силу возрастных особенностей крайне неустойчивое. Что же касается “необоснованности”, то это как кому. Учителю критика кажется обоснованной, ученику и родителям – нет. Без омбудсмена, как без пол-литра в народной присказке, не разберёшься.

Впрочем, не только систематическая критика влечёт за собой серьёзные санкции.

“Применение, в том числе **однократное** (выделено нами. – Авт.), методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося (воспитанника), является основанием для увольнения педагогического работника по инициативе администрации” (то есть по статье) (Закон РФ “Об образовании”, ст. 56. п. 3.2).

Хотим особо подчеркнуть, что практически все перечисленные здесь пункты не вызвали бы никаких сомнений, если бы понятия об оскорблении, унижении и насилии соответствовали нормальным, традиционным представлениям, какими до сих пор руководствуется большинство наших учителей, директоров школ, родителей и представителей власти. Но в том-то и фокус, что в “ювенальной реальности” дела обстоят именно так, как мы описали. В Америке, например, работа школьных педагогов настолько зашла в тупик, что Джордж Буш в Проекте программы реформ в области образования заявил, что в рамках повышения безопасности школ XXI века “учителя получают право удалять с урока агрессивных учащихся”, поскольку уровень образования из-за невозможности поддерживать дисциплину снизился до критической отметки. “Сегодня, согласно результатам государственных экзаменов по чтению, – говорится в Проекте, – почти 70 процентов детей, живущих в старых районах городов, по окончании четвёртого класса не обладают элементарными навыками чтения. Международные тесты по математике показали, что наши выпускники средней школы отстают от учащихся Кипра и ЮАР. И почти треть первокурсников колледжей нуждаются в дополнительном курсе обучения”. Ситуация была названа Бушем “катастрофической” (см. “Народное образование”, № 8, 2002, стр. 16).

Но вернёмся к роли школьного омбудсмена и покажем, что это роль отнюдь не рядовая, как можно себе представить поначалу – дескать, появится ещё одна штатная единица, ещё один вид работы. Есть же в школе медсестра, психолог, завхоз. Почему бы не быть правозащитнику?

Нет, роль омбудсмена скорее роковая, нежели рядовая. Если механизм ювенальной юстиции будет полностью создан, то есть если будут приняты соответствующие законы и везде появятся суды для несовершеннолетних, омбудсмены станут чем-то вроде приводного ремня. Благодаря им вся система придёт в движение.

“Первый отдел” в каждой школе

Возьмём случаи, с которых мы начали статью. Покуда ювенальный механизм не запущен, либерально трактуемые права ребёнка существуют отдельно, а реальная жизнь отдельно. Мальчики-лентяи поскандалят и перестанут. Ведь сколько бы их ни науськивали на родителей, всё равно непонятно: куда идти защищать свои права? Как? Большинство детей просто в этом не разбираются, да и постесняются.

А тут прямо в школе будет человек, который и разъяснит, и призовет “предков” к порядку, и поможет, если они будут упорствовать, грамотно составить на них жалобу, и передаст дело в суд. Усилий со стороны ребёнка практически никаких, только загляни в кабинет. Как в стихотворении Р. Бернса, “ты свистни — тебя не заставлю я ждать”. И машина закрутится-завертится...

Что такое омбудсмен с точки зрения школьной вертикали власти? Ни завуч, ни директор, ни даже Министерство образования ему не указ. Работая в школе, он при этом не подчиняется школьному начальству. Скорее наоборот, начальство, не говоря уж о рядовых педагогах, фактически ходит “под ним”. К нему, как когда-то в “первый отдел”, стекаются сведения о детях, учителях и родителях. Словом, о тех, кого принято называть на чиновничьем языке “участниками образовательного процесса”.

(Поясняем для молодых: такой отдел был в каждой организации, имевшей отношение к секретной информации или располагавшей возможностью печатать тексты. “Первый отдел” входил в структуру Комитета госбезопасности и не подчинялся руководству организации. В первых отделах хранилась информация о сотрудниках предприятия, в специальных анкетах отмечалась информация о политических взглядах, поездках за границу, допуске к документам, имеющим гриф “для служебного пользования” или “секретно” (см. “Википедию”, так называемую “свободную энциклопедию” в интернете).

А поскольку к омбудсмену ходят жаловаться, то это не просто сведения, а компромат. И компромат этот вовсе не лежит мёртвым грузом в кабинете. Правозащитник вполне официально может его использовать, поскольку является уполномоченным, то есть облечённым властью представлять и защищать права своих подопечных. Прежде всего, права детей, потому что они по ювенальному законодательству будут приоритетны.

Формально омбудсмен где-то сбоку, отдельно, а фактически — над всей школой. Он диктует, как жить, но ни за что не отвечает. Вернее, отвечает за соблюдение прав, а если такое соблюдение приводит к развалу дисциплины и, следовательно, всего “образовательного процесса” (см. выше про соблюдение Закона “Об образовании”), то виноват не он, а директор и учителя, которые не сумели заинтересовать детей. Ну, и конечно, родители. Эти вообще виноваты по определению.

Естественно, такой расклад не будет способствовать укреплению авторитета педагогического коллектива. Что, как вы догадываетесь, ещё больше усложнит и без того нелёгкую работу учителя. Наиболее ответственные и любящие своё дело педагога увольются. Уже сейчас многие учителя говорят, что работать становится невыносимо, поскольку школьники матерятся прямо им в лицо, а они, не имея рычагов воздействия, вынуждены делать вид, будто не слышат. Останутся, по большей части, халтурщики, которым лишь бы отбарабанить урок и получить зарплату. Развал образования, начатый вредными учебниками и инновациями, продолженный введением ЕГЭ, будет завершён.

А какой возникнет простор для склок и сведения счётов! Кстати, это будет иметь не только психологические, но и социально-политические последствия.

“В силу инерции мышления народа, сохранившего в коллективной памяти образ Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., мы понимаем слова “информационно-психологическая война” как метафору, — пишет один из самых серьёзных современных политологов С. Г. Кара-Мурза. — В действительности речь идёт о настоящей войне, которая уже более полувека рассматривается как особый вид боевых действий и которая стала важнейшим содержанием всей совокупности действий “холодной” войны против СССР. Но машина этой войны не остановлена с ликвидацией СССР, эта война стала мировой, и одно из главных направлений её удара — Россия и постсоветские страны. И масштабы усилий очень велики. По оценкам экспертов, суммарные ежегодные затраты ведущих западных стран только на разработки в области информационного оружия в начале этого десятилетия превышали 120 млрд долл. В американском руководстве по психологической войне (1964) говорится, что цель такой войны — “подрыв политической и социальной структуры страны-объекта до такой степени деградации национального сознания, что государство становится неспособным к сопротивлению”. Французский журнал пишет, что с конца 60-х годов “ЦРУ вышло за рамки обычного шпионажа, где, впрочем, не достигло больших результатов, для того, чтобы начать действи-

тельно современную психологическую войну"... Уже один из первых теоретиков информационной войны Г. Лассуэлл в своей "Энциклопедии социальных наук" (1934) отметил важную черту психологической войны – она "действует в направлении разрыва уз традиционного социального порядка" (С. Г. Кара-Мурза. Демонтаж народа, "Алгоритм", 2007, стр. 454).

Нетрудно догадаться, что восстановление детей против взрослых, а также создание почвы для анонимного доносительства среди педагогов будет весьма способствовать разрыву традиционных социальных уз.

Небезосновательные опасения

Теперь поподробнее о новом "первом отделе". Тайная канцелярия в лице школьных омбудсменов не только накапливает информацию и использует её в борьбе детей за свои права, часто носящие весьма сомнительный характер. Она может переправлять сведения, куда сочтёт нужным, и проконтролировать это нельзя, поскольку информация конфиденциальная. Никто, кроме омбудсмена, не знает ни содержания доносов, ни их авторов. Помимо ювенальных судов и прочих служб, стоящих на страже интересов ребёнка, омбудсмен может ознакомиться у него данными других людей или другие ведомства. Может, по примеру сотрудников старого "первого отдела", поделиться с органами госбезопасности. Может – с криминальными структурами. Почему бы и нет? Уже вспыхивали скандалы из-за того, что какие-то шустрые ребята тиражировали базы данных персонального характера. Но максимум, что там указывалось – это адрес, телефон, номер и марка машины. И то такие "утечки" вызывали вполне обоснованное беспокойство. А ведь там не было сведений ни о наиболее частых маршрутах обладателей тех или иных материальных благ, ни об их привычках, ни о распорядке дня. Вообще, взволнованный, обиженный человек, особенно ребёнок, часто выбалтывает много лишнего и потом даже не помнит, что говорил...

А ещё один вероятный адресат (в сегодняшнем политическом контексте более чем вероятный) – это иностранные спецслужбы.

Информация приватного характера всегда высоко ценилась и была трудно добываемой. Сейчас, в эпоху информационных технологий, возникает впечатление, будто всё можно выловить в Сети. Но это иллюзия. Из интернета узнаётся не так уж и много. По отзывам профессиональных разведчиков, там можно добыть 10–15% информации. Всё остальное – от людей. А, по отзывам политологов, именно такие "неучтённые" интернетом данные порой представляют наибольший интерес и потому щедро оплачиваются. И это неудивительно. Сегодня, когда конкурирующие государства стараются избегать во взаимоотношениях друг с другом применения грубой силы, предпочитая экономические и информационно-психологические формы воздействия, на первый план выходит максимальное глубокое изучение психологии противника. И тут особенно ценятся именно приватные сведения, какие-то подробности, которые могут знать только близкие люди. Такое знание очень помогает выбрать тактику воздействия на "объект". А "объекты", между прочим, могут быть любой величины.

Дети российских политиков, военных, сотрудников спецслужб, учёных, которые занимаются секретными разработками, и мало ли кого ещё тоже учатся в школах. И никто (кроме тех, кому будет предназначена специнформация) никогда не узнает, о чём с ними конфиденциально беседовал их главный друг и утешитель, школьный омбудсмен...

Но не только важные птицы могут заинтересовать наших геополитических "друзей". В свете информационно-психологических войн особое внимание уделяется исследованиям в области психологии разных национальностей и народностей. Даже специальность такая появилась – этнопсихолог. А понять психологию человека или целого народа гораздо легче, если ты знаешь его жизнь изнутри, знаешь его настроения, взгляды, симпатии и антипатии, которые он далеко не всегда высказывает за пределами узкого семейного круга или даже в социологических опросах. Кабинет омбудсмена может стать настоящей кладовой неформальных данных о множестве людей. И таких кладовых тоже будет множество: в каждой школе, в каждом вузе – бесценная база данных для самых разных исследований.

Не будем забывать о теснейшей связи наших правозащитников с западными и международными правозащитными структурами. И будем помнить о том, что эти структуры с какой-то подозрительной настойчивостью, прямо-таки с ножом к горлу требуют от России скорейшего введения ювенальной юстиции и, в частности, института омбудсменов. Требуют и охотно выделяют деньги. Неужели за два десятка лет не стало очевидно, что такая забота западных партнеров слишком часто оборачивается для нас подрывом? Подрывом экономики, культуры, образования, здравоохранения, демографии – словом, наших национальных интересов и нашей безопасности.

То, что за рубежом есть – выразимся осторожно – заинтересованность в получении обширной информации о частной жизни российских граждан, свидетельствует и предпринимавшаяся несколько лет назад попытка включить в закон о “Данных персонального характера” статьи, разрешающей трансграничную передачу этих самых данных. Попытка, к счастью, провалилась. В немалой степени, как говорят, благодаря возражениям со стороны наших спецслужб. Что ж, внедренные в каждую школу омбудсмены вполне могут безо всякого закона справиться со сбором и трансграничной передачей персональных данных. Проконтролировать их в условиях неподотчётности органам образования и местной администрации, а также учитывая строгую конфиденциальность работы правозащитников, крайне сложно.

Предвидим возражение: разве директор, учителя, медсестра, школьный психолог ничего не знают о семьях учащихся? Знают. Почему же из-за них вы не беспокоитесь? Они что, не могут поделиться своими знаниями с какими-то зарубежными инстанциями? Теоретически могут, а практически – нет. Вернее, единичные “утечки”, конечно, возможны, хотя и они достаточно проблематичны. Сами подумайте, как это реально воплотить? Под каким предлогом посторонние люди, не входящие в систему образования, смогут выудить у школьного персонала сведения о частной жизни учеников? Школа сейчас уже не та, что была в перестроечные и постперестроечные времена, когда её двери распахнулись навстречу иностранным сектантам или представителям разных гуманитарных фондов, активно проводивших анкетирование и социологические опросы. Сегодня получить доступ к детям и к информации о детях не так-то просто. Но даже если отдельно взятый сотрудник отдельно взятой школы что-то куда-то ухитрится передать, всё равно организовать поставку информации в массовом масштабе нереально за неимением соответствующего канала.

С приходом в школу омбудсменов канал появится. С одной стороны, для эффективной защиты прав учащихся необходимо разобраться не только в школьной ситуации, но и в том, что творится в семье ребёнка, понять, какие факторы способны негативно повлиять на его состояние. Для этого омбудсмен вполне может подключить к работе школьного психолога (кстати, в ряде стран права детей защищают именно они), попросив протестировать ребёнка – а в идеале всех учащихся – и создать его психологический портрет. Он может и даже обязан запросить также медицинские сведения о ребёнке, то есть аккумулировать довольно большой объём информации. А с другой стороны, в отличие от медсестры или директора, омбудсмену не нужно бегать искать зарубежных заказчиков. Они уже существуют, причём часть из них действует не таясь. И передача данных персонального характера может осуществляться вполне официально в виде развёрнутых отчётов, докладов, рапортов различным международным комиссиям, очень обеспокоенным соблюдением прав ребёнка в России, где никак не удаётся установить подлинную демократию.

Базы персональных данных и психологические портреты школьников могут заинтересовать и политтехнологов, которые, как показал опыт “оранжевой революции”, нередко бывают связаны с правозащитными структурами. “Марши несогласных”, проводившиеся перед парламентскими и президентскими выборами, выявили, что в современной России не так-то легко набрать народ на их проведение. Что ж, омбудсмены и тут способны посодействовать. Ведь кто будет больше всего ходить жаловаться на учителей, директора и прочих взрослых? Уж, наверное, не первоклашки. Те если и жалуются, то не по инстанциям, а маме, так как мотивация у маленького ребёнка другая: ему важно не права качать, а чтобы его, бедняжку, пожалели. И пожалели именно близкие, потому что он не только не противопоставляет себя семье, а ещё по-настоящему себя от семьи не отделяет.

Современный же подросток, напротив, склонен бунтовать против близких и искать оправдания и поддержки на стороне. Поэтому именно подростки станут частыми гостями в кабинете омбудсмена. Причём подростки определённого склада: демонстративные, своевольные, не любящие подчиняться установленным правилам, порядкам, законам. Словом, бунтари по натуре.

Так что вырисовывается ещё одна привлекательная для иностранных спецслужб база данных: списки потенциальных участников протестных массовок, от локального митинга в каком-нибудь городском районе до широкомасштабных бунтов и революций. Как удобно! Без напряжения и, главное, без лишнего шума, весьма конспиративно. Это вам не сбор протестантов через сетевые сообщества, всякие там “живые журналы” и прочие интернет-площадки. Списки по каждой школе во всех городах и всях нашей большой страны – какой матёрый резидент мог мечтать о таком улове?! Особо перспективных школьных “инакомыслов” можно готовить в главари. Вспоминается прошедший по телевидению весной 2007 года французский фильм про “оранжевые революции” на Украине, в Грузии, в Киргизии. Там очень выразительно показывалась работа зарубежных “консультантов” с молодёжными лидерами, которые буквально ошалевали от внезапно выпавшего на их долю шанса головокругительной политической карьеры. И готовы были служить своим благодетелям, как верные псы.

А ещё омбудсмены могут за каких-нибудь несколько лет произвести мировоззренческий переворот в целом поколении. То, что сейчас проделывают с юными умами либеральные СМИ и интернет, будет многократно усилено благодаря индивидуальной работе “от сердца к сердцу” (излюбленный штамп сотрудников “Планирования семьи” и прочих гуманных организаций). А также, – что, быть может, самое главное! – благодаря авторитету учреждения, в котором такая работа начнёт производиться, то бишь школы. Что бы ни говорили про школу, какие бы в ней ни были недостатки, это основное учебное заведение. И надо чётко понимать: с введением омбудсменов в ней будут учить не только математике, русскому языку и биологии, но и принципиально другим отношением к взрослым. Приведём лишь один маленький пример. Доводилось читать и слышать, что школьные омбудсмены вывешивают на всеобщее обозрение отчёт о проделанной работе. Это преподносится как что-то безусловно положительное: дескать, у нас полная прозрачность и гласность. Но если разобраться, что собой представляют подобные документы? Как и любой отчёт, они содержат некие статистические данные и те или иные качественные параметры. Применительно к омбудсменам это – сколько за год поступило жалоб, на что жаловались дети, на что учителя, на что родители, кто основные нарушители, какие меры были приняты и т. п. Как вы помните, в школах, находящихся под омбудсменами, в качестве обвиняемых в основном выступают педагоги. А тут ещё список их “злодеяний” вкупе с постигшей карой выставляется на всеобщее обозрение. Особо злостных “правонарушителей” могут назвать и по именам, к вящему удовольствию потерпевших. Ну разве это не мировоззренческий переворот? Позорить учителей перед учениками, как когда-то позорили в стенгазете закоренелых хулиганов и двоечников! Для полного завершения этого перевёртыша осталось только хулиганов посадить за преподавательский стол, наделив их к тому же правом ставить неугодных учителей в угол и выгонять из класса.

Институт школьных омбудсменов позволит изящно покончить и с “клерикализацией школы”. Призывы академиков во главе с Гинзбургом результата не дали. Предмет “Основы православной культуры” преподаётся уже во многих школах страны. Но в правозащитной среде эту дисциплину почему-то недолюбливают. Так, осенью 2007 года сотрудники аппарата Омбудсмена РФ выступили против обязательного изучения основ православной культуры в школах и даже упоминали про Европейский суд. Школьные правозащитники задачу решат без напряжения. Причём, могут разобраться не только с обязательным предметом (о котором, кстати, Церковь и не упоминает, так что это всё подтасовки), но и с факультативом. В доверительной беседе с ребёнком нетрудно получить желаемый ответ на грамотно поставленный вопрос. Поэтому не будет ничего удивительного в том, что вдруг начнутся массовые отказы детей от “скучного урока”, который к тому же ведут “плохо подготовленные, неквалифицированные” учителя. А ещё в этих отказах подозрительно часто будет упоминаться нарушение права ребёнка на свободу совести. Хотя, впро-

чем, что тут подозрительного? В новой реальности дети будут знать положения Конвенции о правах ребёнка назубок. Куда лучше, чем таблицу умножения.

* * *

Только решили, что статья закончена, как, разбирая газетные вырезки про “ювеналку”, нашли ещё один любопытный материал. Сообщение РИА “Новости” от 14.02.2008. Прочитируем полностью: “Французский профсоюз работников образования Snes-FSU подал в суд на интернет-сайт note2be.com, который позволяет ученикам оценивать своих преподавателей, говорится в коммюнике профсоюза. Профсоюз требует закрыть сайт. Интернет-сайт note2be.com позволяет своим посетителям сохранять имя преподавателя, давать ему оценку по 20-балльной шкале и оставлять комментарии о нём. Имена преподавателей сохраняются в единой базе, позволяющей вести рейтинг учителей. Коммюнике, появившееся в четверг на интернет-сайте профсоюза преподавателей французских школ и колледжей, осуждает сайт, который “может в скором времени стать источником публичных доносов и клеветы”. Учителя также написали письмо французскому министру образования, требуя разобраться в ситуации. Преподаватели возмущены “простотой, с которой каждый может писать что угодно о ком угодно”. Адвокаты профсоюза запустили процедуру срочного рассмотрения дела, благодаря чему оно будет рассмотрено уже на следующей неделе”.

“О, дивный новый мир!” – мог бы воскликнуть Олдос Хаксли, если бы дожил до наших денёчков.